

ПРАВО НА ЧУДОВИЩЕ

АНИ ЕГАНЯН

18+

Ани Еганян

Право на чудовище

«Автор»

2026

Еганян А.

Право на чудовище / А. Еганян — «Автор», 2026

Адвокат Селин Вей добивается освобождения человека, осуждённого за убийства трёх женщин. Полиция подделала улику. Восемнадцать лет заключения перечёркнуты. После освобождения клиент признаётся ей: он действительно убивал. Теперь его признание защищено адвокатской тайной. А полиция предлагает Селин помочь выследить освобождённого убийцу: исчезают другие женщины, и он может знать, где их держат. Каждый её разговор с ним способен приблизить спасение. Но он уже знает, как заставить людей слушать — и сколько чужих жизней стоит их молчание.

© Еганян А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Кольцо	6
Глава 2	9
Цветы	9
Глава 3	12
Наблюдение	12
Глава 4	15
Алина	15
Глава 5	17
У остановки	17
Глава 6	20
Четвёртая чашка	20
Глава 7	23
Белая дверь	23
Глава 8	26
Ремонт	26
Глава 9	29
Граница	29
Глава 10	31
Старый клиент	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ани Еганян

Право на чудовище

Ани Еганян
Право на чудовище
Криминальный роман
2026

Глава 1

Кольцо

Когда судья спросила, есть ли у защиты дополнения, Адриан Роу перестал тереть переносицу.

За пять месяцев Селин успела изучить это движение. Он делал так перед неудобным вопросом, перед возвращением в камеру, перед каждым разговором о матери. В первом интервью журналисты назвали жест следствием многолетнего заключения. Селин не знала, что именно означает этот жест. В её работе полезнее было замечать, чем объяснять.

— Одно дополнение, — сказала она. — Защита просит вновь продемонстрировать снимок сто сорок семь.

Прокурор посмотрел на часы. В зале становилось душно; под потолком работал один вентилятор из четырёх. За спиной Селин кашлянула женщина. Она кашляла весь день, стараясь делать это в сгиб локтя, будто боялась помешать отмене приговора человеку, убившему её дочь.

Жюль подключил ноутбук. На экране возникла увеличенная фотография серебряного кольца.

Восемнадцать лет назад кольцо Евы Зандер нашли под половицей мастерской Роу. Обвинение назвало его личным трофеем. Роу отрицал, что видел его до предъявления следователем. Присяжные рассматривали фотографию восемь минут.

Селин положила на кафедру прозрачную папку.

— Мы располагаем не только заключением о составе клея. Здесь оригинальная квитанция ювелирной мастерской и негатив, предоставленный семьёй. За четыре дня до приобщения кольца к делу оно находилось у матери погибшей.

Женщина за её спиной резко вдохнула.

— Я дала его полицейскому, — сказала она. — Он просил уточнить размер.

Судья велела секретарю внести реплику в протокол. Прокурор поднялся, но не сразу нашёл нужный лист.

Селин не обернулась. Нельзя было оборачиваться: тогда она увидела бы лицо матери, и её собственный голос изменился бы. Это ничего не добавило бы к содержанию квитанции.

— На фотографии, сделанной при первоначальном осмотре мастерской, половица закреплена двумя шурупами. На фотографии обнаружения — тремя. Экспертиза подтвердила: третье отверстие просверлено позднее. В журнале посещений за соответствующий день замечён лист. Именно эти обстоятельства защита просит оценить вместе, а не по отдельности.

Судья сняла очки.

— Мы оценим их в совокупности, госпожа Вей.

Это не было обещанием победы. Впрочем, прокурор больше не смотрел на часы.

Селин вернулась на место. Роу наклонился к ней через перегородку.

— Вы очень аккуратно это сделали.

— Не разговаривайте, пока заседание не окончено.

Он послушался. Перед ним лежал карандаш, выданный для заметок. Роу повернул его параллельно краю стола, потом подвинул на толщину ногтя.

Через два часа суд огласил решение.

Приговор отменили. Суд не установил невиновность Адриана Роу и не объявил случившееся с Евой Зандер, Марой Дитц и Ниной Рот выдумкой. Он установил, что обвинение использовало сфабрикованные вещественные доказательства, а оставшиеся материалы не поз-

воляют сохранять прежний приговор. Дальнейшая проверка оставалась возможной при получении новых допустимых доказательств. Продолжать содержание под стражей на основании отменённого решения было нельзя.

В теленовостях это сократят до слова «оправдан».

Селин слышала в постановлении каждую оговорку. В зале, судя по поднявшемуся шуму, почти никто не слышал.

Мать Евы встала раньше остальных. Она не закричала. Собрала сумку, поправила воротник и направилась к выходу. На уровне стола защиты остановилась.

— Кольцо мне вернуть?

— После решения о вещественных доказательствах, — ответила Селин и сразу возненавидела свою фразу.

Женщина кивнула, словно уточнила время работы аптеки.

Роу проводил её взглядом.

У выхода Лив попыталась пробиться сквозь операторов. Оранжевый шарф намок под дождём и потемнел на плечах. Увидев Селин, она убрала диктофон в карман.

— Как человек — поздравляю, — сказала Лив. — Как журналист — хочу пять минут.

— Сегодня без меня.

— Поэтому я и выключила запись.

Лив показала экран. На нём не было движущейся звуковой дорожки. Селин давно знала подругу и всё равно посмотрела.

Служащая суда попросила освободить проход. Жюль бережно прижимал к груди ноутбук, будто только что вынес ребёнка из воды. Чуть поодаль стояла Рут Бергер, координатор фонда, оплатившего экспертизы. Она не пыталась попасть в кадр. Держала три бумажных стаканчика с кофе и протягивала один Селин.

— Ты забыла поесть.

— Спасибо.

Рут посмотрела мимо неё на дверь, за которой ещё оформляли освобождение Роу.

— Теперь нужно будет следить, чтобы он не остался один.

— Этим займётся служба адаптации.

— Конечно, — согласилась Рут.

Селин обожглась крышкой стаканчика. Кофе был без сахара: Рут запоминала такие вещи. Она запоминала, кому в фонде нужен особый стул, чей ребёнок не переносит орехи, какой эксперт не отвечает после шести.

На лестнице Лив задержала Селин за локоть.

— Я напишу точно. Что доказали подлог, а не отсутствие убийств.

— Спасибо.

— Ты уверена, что он понимает разницу?

Селин посмотрела на дверь суда.

— Мне достаточно, что её понимает суд.

Произнеся это, она услышала, как хорошо фраза прозвучала бы в интервью, и пожалела, что сказала её подруге.

В машине Жюль открыл пакет с булочками. Одну купили ещё утром. Теперь она смялась, мак прилип к бумаге.

— Мы ведь действительно всё сделали правильно? — спросил он.

Селин пристегнулась.

— Да.

— Тогда почему такое ощущение?

Она не стала выяснять, какое именно.

На другой стороне площади мать Евы пыталась раскрыть зонт. Спица застряла в ткани. Люди обходили её, спеша к камерам, у которых должен был появиться освобождённый.

Селин вышла из машины и перешла дорогу. Вместе они высвободили спицу. Под зонтом пахло холодной шерстью.

— Я не благодарить вас пришла, — сказала женщина.

— Я знаю.

— Вы тоже не обязаны.

Она забрала зонт и ушла. Селин вернулась к машине мокрая. Жюль молча положил бумажный пакет ей на колени.

Роу вышел из суда, когда они отъезжали от площади. Он остановился у верхней ступени, поднял лицо к дождю и дал операторам время снять это движение.

Глава 2

Цветы

Роу пришёл в половине девятого вечера. Селин ещё разбирала бумаги, Жюль был в копировальной. На улице гудел фургон, вывозивший оборудование из кафе этажом ниже.

Секретарь ушла домой час назад. Домофон не работал со среды, поэтому клиент просто поднялся по лестнице.

У него были белые хризантемы в коричневой бумаге. В магазинном чеке, приклеенном к обёртке, отпечаталось: семь штук.

— Я не знал, какие вы любите.

— Можно было позвонить.

— У меня пока только временная карточка. Я не очень с ней разобрался.

Селин показала на стул. Роу снял пальто, сложил его подкладкой внутрь и положил рядом. В тюрьме его одежда всегда казалась ему велика. На свободе он выглядел шире, чем она помнила.

— Как прошёл вечер?

— Меня накормили. Потом долго рассказывали, где покупать проездной. Всё очень изменилось.

Селин поставила цветы в графин. Воды оставалось на два пальца. Подумала, что следовало бы сходить за свежей, но отложила это до конца разговора.

— Фонд поможет с жильём. С документами тоже.

— Госпожа Бергер замечательная женщина.

— Да.

Роу осмотрел книжный шкаф. На секунду задержался на стекле дверцы, где отражался коридор.

— Я хотел поблагодарить вас лично. Без журналистов.

— Вы уже благодарили.

— Не совсем за то.

Селин закрыла папку.

В копировальной коротко загудел аппарат. Роу дождался тишины.

— Вы правильно доказали, что Келлер подбросил кольцо. Это было важно.

— Именно поэтому мы добивались пересмотра.

— Да. Только из этого ведь не следует, что я их не убивал.

Селин не пошевелилась. В графине распрямлялся прижатый стебель. Хризантема медленно поднялась над остальными.

— Что вы сейчас сказали?

— Думаю, вы прекрасно слышали.

— Тогда повторите.

Он улыбнулся без прежней застенчивости.

— Я убил Еву Зандер. Мару Дитц. Нину Рот. Вы защищали мои права, а не моё доброе имя. Поэтому я вам благодарен.

В коридоре зашуршала бумага. Жюль шёл к своему столу, неся копии. Селин подняла ладонь, и помощник остановился в дверях.

— Оставьте нас.

Он увидел её лицо и не стал задавать вопросов.

— Вы понимаете, какие последствия могут иметь ваши слова? — спросила она, когда шаги стихли.

— Для меня или для вас?

— Для всех.

— Поэтому я пришёл к адвокату. Здесь можно говорить честно.

Признаваясь, он не выглядел ни облегчённым, ни возбуждённым. Селин вспомнила людей, которых выслушивала после аварий, краж и пьяных драк. Они путались, оправдывались, хватались за детали. Этот человек проверял устройство комнаты.

— Почему вы говорите мне об этом сейчас?

— Чтобы у нас не возникло недоразумений. Сегодня вы сказали журналисту, что справедливость восторжествовала.

— Я этого не говорила.

— Значит, это сказал он. Смысл сохранился.

— Нет.

— Хорошо. Вы любите точность.

Роу положил руки на колени. Под ногтем большого пальца темнела полоска. Не кровь — графит или грязь; Селин мысленно остановила себя прежде, чем успела придумать доказательство.

— Вы собираетесь причинить кому-нибудь вред?

— Я только что вышел. Мне нужно купить зубную щётку.

— Ответьте.

— Вы спрашиваете как мой адвокат?

— Я спрашиваю, есть ли сейчас человек, которому угрожает опасность.

Впервые он отвёл глаза.

— Людям постоянно угрожает опасность, госпожа Вей. Особенно когда другие принимают за них решения.

Она пододвинула к себе блокнот, записала время и точную формулировку.

— Я не буду помогать вам скрывать преступление или готовить новое. Если речь идёт о непосредственной угрозе жизни, я предприму необходимые действия.

— Я ничего такого не просил.

— Наш разговор окончен.

Роу встал. У двери остановился, будто вспомнил незначительную хозяйственную мелочь.

— В старой описи было три чашки.

Селин не ответила.

— Вы читали её внимательнее всех. Это заметно. Но чашек было четыре.

— В какой описи?

Он уже надевал пальто.

— Теперь вы захотите посмотреть ещё раз.

Селин вышла за ним в коридор. Жюль стоял у окна, держа телефон. Она сказала ему не спускаться. Роу услышал и показал пустые ладони.

Дверь закрылась. Внизу хлопнула ещё одна.

— Что случилось? — спросил Жюль.

Она взяла у него телефон, отдала обратно. Руки действовали раньше мысли. Её собственный аппарат лежал на столе.

— Найди дежурного следователя. Я сама поговорю.

— Он угрожал тебе?

— Запиши, когда он вошёл и вышел. Только то, что ты видел сам.

Пока Жюль искал номер, Селин закрыла жалюзи. В нижней планке сломалось крепление, она висела косо. Роу мог видеть это с улицы. Любой мог.

Дежурный дважды переспросил её фамилию. На третьем повторении она поняла, что говорит слишком тихо.

Через двадцать минут к подъезду подъехал патруль. Полицейский прошёл по кабинету, спросил, не трогал ли посетитель мебель. Селин указала на стул и графин. Цветы забрали вместе с обёрткой.

— Нам оформлять угрозу? — спросил он.

— Зафиксируйте сообщение. Оценку даст следователь.

— Понятно. А он ведь сегодня вышел? Я видел вас по телевизору.

Селин открыла ему дверь.

После ухода патрульных Жюль принёс чай. Они не пили. В кабинете пахло хризантемами и разогретым пластиком копировального аппарата.

— Селин, что он сказал?

Она посмотрела на пустой мокрый круг от графина.

— Что Келлер подбросил кольцо.

— Мы это и так знаем.

— Именно.

Она дождалась соединения с дежурным прокурором. Прежде чем говорить о содержании разговора, потребовала зафиксировать обращение за срочным решением по вопросу профессиональной тайны и возможной угрозы людям. Мужчина на другом конце линии перестал зевать, когда услышал фамилию Роу.

В этот момент Селин ещё не знала, что её звонка ждали.

Глава 3

Наблюдение

Маркус Вальд встретил её в помещении без окон. На столе стоял принтер; рядом лежала пачка бумаги, распечатанная с двух сторон. Селин узнала своё заявление по верхней строке.

Вальд не предложил кофе.

— Почему вы записали время до минуты?

— Потому что могла посмотреть на часы.

— Вы обычно так делаете?

— Обычно мои клиенты не приходят сообщать, что убили трёх женщин.

Он прикрыл дверь. До этого в коридоре кто-то раскладывал металлические стулья. Теперь стало слышно, как гудит лампа.

Вальд был примерно на десять лет старше Селин. Коротко стриженные волосы, небритый подбородок; на рукаве тёмного свитера белела кошачья шерсть.

— Прокурор рассмотрит вопрос о пределах раскрытия, — сказал он. — Ваше сообщение зарегистрировано. Но я хотел бы сначала обсудить то, что уже известно следствию независимо от вас.

Он разложил три фотографии.

Алина Фальк. Беата Мор. Софи Линд.

Селин узнала последнюю. Летом её лицо висело на остановке возле суда. К осени листовку заклеили рекламой страхования.

— Все пропали после его ареста, — сказала она.

— Намного позже.

— Значит, не он.

— Лично — нет.

Вальд подвинул снимок ткани. Серая тесьма, пришитая к внутреннему шву. На другом снимке виднелась нижняя часть двери со светлой полосой у пола.

— Это получили при осмотре вещей Алины. Сумку нашли на берегу. Не трогайте фотографию за середину, на обороте пометки.

— Вы подозреваете сообщника.

Он кивнул.

— Основания?

— Подробности, не попадавшие в прессу. Способ крепления дверной накладки. Материал тесьмы. Совпадения недостаточно для обвинения. Достаточно, чтобы не проигнорировать.

Селин смотрела на его руки. Правая лежала на папке. Левая большим пальцем разглаживала смятый угол.

— Когда вы узнали, что приговор отменят?

— У нас нет доступа к совещательной комнате суда.

— Когда вы поняли, что оснований удерживать его больше не будет?

Вальд убрал левую руку под стол.

— После экспертизы кольца.

— Шесть недель назад.

— Да.

— И что сделали?

— Проверили контакты. Подготовили наблюдение. Получили разрешения.

— Где он сейчас?

— В предоставленной ему квартире.

— Вы знали, что он приходил ко мне?

— Мы знаем, куда он заходил.

Селин отодвинула стул.

— Вы могли предупредить меня.

— Он имел право встретиться со своим защитником.

— Я говорю не о запрете. О предупреждении.

Вальд потёр лицо ладонью.

— Мы рассчитывали, что на свободе он восстановит контакт с человеком, который держит этих женщин. Если хотя бы одна жива, это может быть единственная возможность.

— Сколько времени вы готовы смотреть?

— Пока есть основания полагать, что мы можем установить место.

— До следующего похищения?

— Я не говорил этого.

— Но такой вариант вы обсуждали.

Вальд молчал. В коридоре уронили стул. Кто-то выругался, тут же понизив голос.

Селин взяла фотографии за края и сложила ровной стопкой.

— Вы знали, что Келлер сфабриковал дело?

— Я не участвовал в расследовании две тысячи восьмого.

— Это не ответ.

— Я знал то же, что вы представили суду.

— И не вмешивались, потому что освобождение было вам выгодно.

Он поднял взгляд.

— Я не мог исправить подложное доказательство тем, что продолжил бы на него ссылаться. Если вы ожидаете от меня признания в том, что мы тайно организовали ваше дело, такого признания не будет. Кольцо нашёл ваш эксперт. Квитанцию дала мать. Мы не могли и не должны были помешать отмене.

Селин снова села. Это была важная разница. Она всё ещё злилась достаточно сильно, чтобы хотелось её не замечать.

— Кто разрешил наблюдение без предупреждения потенциальных целей?

— Руководство сочло, что утечка заставит сообщника переместить пленниц.

— Вы уже называете их пленницами.

— Я стараюсь не называть их телами.

Он сказал это без нажима. На столе оставалась фотография Софи: девушка шурилась на солнце, в руке держала бумажную тарелку с тортом. Краем кадра срезало чужой локоть.

— Я хочу письменное подтверждение, что моё сообщение принято, — сказала Селин. — И контакт человека, который вправе решить вопрос о раскрытии угрозы. Я не стану передавать вам защищённые сведения неофициально. И не позволю прятать моё обращение внутри оперативной папки.

— Вам дадут номер регистрации.

— Ещё одно. Вы не будете использовать меня для передачи ему сообщений.

— Мы этого не просили.

— Я хочу сказать это до того, как вы попросите.

Вальд подошёл к двери и позвал сотрудницу. Пока она печатала подтверждение, Селин перечитала имена женщин. Беата Мор, тридцать один год, лаборант. Алина Фальк, двадцать четыре, администратор спортивного клуба. Софи Линд, двадцать семь, сотрудница социальной службы.

— Он реставратор, — сказала она. — К этим профессиям он отношения не имеет.

— Он восемнадцать лет получал письма.

— Вы их проверили?

— Часть сохранилась. Часть выдана ему при освобождении. Большая часть разрешённых контактов — обычные люди, верившие в судебную ошибку.

Селин вспомнила стопки поздравительных открыток в фонде. Рут перевязывала их мягкой серой лентой, чтобы не повредить бумагу.

— Нам нужен перечень, — сказала она.

— Это материалы следствия.

— Я говорю о переписке, которую мой клиент добровольно передал защите. Возможно, часть есть у нас.

Вальд впервые посмотрел на неё без усталой настороженности.

— Посмотрите. Подлинники не перекладывайте. Если найдёте существенное, действуйте через прокурора.

У двери он задержал её.

— Госпожа Вей. Я понимаю, как это выглядит.

— Пока нет, — ответила она. — Вы ещё не сидели напротив него без перегородки.

На улице уже светало. Селин позвонила Жюлю и велела сегодня не приходить одному. Потом набрала Лив. Та ответила сонным голосом, сразу спросила, где она.

Селин назвала адрес полицейского управления.

— Я приеду, — сказала Лив.

И только после этого Селин впервые за ночь смогла расплакаться.

Глава 4

Алина

Август 2024

В последний обычный день Алина дважды вернулась домой. Сначала за пропуском, потом за папкой, которую положила у двери специально, чтобы не забыть.

Соседка курила на лестнице и заметила:

— Третий раз уже не возвращайся. Опоздаешь.

Алина рассмеялась. Никакого дурного предчувствия у неё не было. Она думала, как объяснить на новой встрече, что не обвиняет людей заранее, а всего лишь хочет понять странные накладные.

Спортивный клуб, где она работала, участвовал в благотворительной программе. Спиртовое, но исправное оборудование передавали подопечным социальных учреждений. Алина помогала оформлять выдачу. Через несколько месяцев обнаружила, что в документах значатся вещи, которых в клубе никогда не было. Когда спросила, ей ответили: техническая путаница, благодарим за внимательность, наш координатор всё покажет.

Координатор представилась Марией. Назначила встречу в помещении со входом со двора. Время удобное, после смены. Предложила заодно обсудить подработку: нужен человек, который умеет разбирать бумаги.

Алина сказала матери, что задержится. Та попросила купить хлеб. Она записала в телефон, затем стёрла: невозможно ведь забыть одну простую вещь.

У входа стоял белый фургон. Мужчина перетаскивал коробки и раздражённо отодвинул одну ногой, освобождая ей проход. На коробке было напечатано название лечебницы.

Внутри пахло растворимым кофе. Женщина протянула руку, улыбнулась, извинилась за временный беспорядок.

— Я Мария. Садитесь. Вы очень вовремя.

Алина села, положила папку на колени. Ей предложили чай. Она отказалась: вечером и так плохо спала. Женщина не настаивала, принесла воду в закрытой бутылке.

Она показала копии накладных. Женщина просмотрела их быстро, несколько раз уточнила, у кого ещё есть документы.

— У бухгалтера, наверное. Я получила из общей папки.

— Вы кому-нибудь писали?

— Вам.

— Правильно сделали. Иногда люди сначала поднимают шум, потом выясняется, что ошибка совсем в другом месте.

Алина кивнула. Ей хотелось, чтобы всё действительно объяснилось ошибкой. На новой подработке можно было бы оплачивать курсы и не просить мать помочь с квартирой.

Женщина принесла лист согласования. Предложила написать, что расхождения проверены и претензий к передаче имущества нет.

— Но мы ещё не проверили, — сказала Алина.

— Я вам показываю пояснение.

— Оно не про эти номера.

Улыбка исчезла не сразу. Сначала женщина просто перестала смотреть в лицо.

— Вы бухгалтер?

— Нет.

— Тогда, возможно, не всё понимаете в движении имущества.

Алина почувствовала знакомый стыд человека, которого поправляют более уверенным голосом. Хотела извиниться. Вместо этого ещё раз сверила номера.

— Вот эти три позиции вообще не наши. Может, просто прикрепили чужой файл.

Женщина позвала мужчину из коридора. Он вошёл, вытер ладони о брюки.

— Нам нужно ещё немного времени, — сказала она.

Алина посмотрела на часы. До автобуса оставалось двадцать минут.

— Тогда я могу прийти завтра.

— Зачем завтра? Решим сейчас.

Она встала. Мужчина тоже сделал шаг — не к столу, а к двери. Только тогда Алина поняла, что в комнате нет окна.

— Извините. Мне нужно позвонить.

— Конечно, — сказала женщина. — Но сначала отдайте телефон. У нас документы третьих лиц, съёмка запрещена.

Алина не отдала.

Всё случившееся дальше плохо укладывалось бы в привычную фразу о том, что она не успела понять опасность. Поняла. Сказала «не трогайте». Попыталась оттолкнуть мужчину. Ударил папкой по его лицу. Выбежала до коридора и увидела открытую внешнюю дверь.

До неё оставалось несколько шагов. На улице кто-то разговаривал по телефону.

Алина закричала.

Мужчина схватил её сзади, потащил обратно. Папка раскрылась, листы рассыпались по полу. Женщина подошла к наружной двери и сказала невидимому собеседнику:

— Всё в порядке. У нас человек плохо себя чувствует.

Никто не вошёл.

В подсобке Алина несколько минут билась в дверь, потом перестала: захотела услышать, что они делают. Собирали бумагу. Переговаривались. Женщина сказала: «Сначала узнаем, кому она отправила».

У Алины болело плечо. Телефон унесли, но в кармане оставалась маленькая бумажная квитанция за фотографии. Она вытащила её, развернула. На обороте карандашом записала номер матери — без слов, почерк дрожал. Потом передумала: если найдут, поймут, кому звонить с её телефона.

Смяла бумагу и спрятала во рту. Позднее выплюнула за трубу, когда принесли воду.

Вечером мать позвонила трижды. На четвёртый звонок пришло сообщение: «Встреча затянулась. Не жди».

Она удивилась, что дочь не поставила привычный смешной значок. Решила, взрослеет. Убрала хлеб в пакет и оставила на кухне включённый свет.

Глава 5

У остановки

Лив привезла запасные носки. Селин сначала решила, что ослышалась.

— Ты вчера промокла, — объяснила подруга. — Можешь считать это журналистской наблюдательностью.

Они сидели в круглосуточной пекарне напротив управления. За стеклом просыпался Брайден: грузовик с молоком перекрыл автобусную полосу, мужчина в яркой куртке сердито фотографировал его номер.

Лив не задавала вопросов, пока Селин ела. Потом положила на стол закрытый блокнот.

— Что я могу услышать как подруга?

Селин рассказала о цветах, о вопросах следователя, о фотографиях трёх пропавших. Само признание пересказывать не стала. По вопросу о защищённых сведениях она ждала официального ответа.

— Я уже слышала о Беате Мор, — сказала Лив. — Её брат писал в редакцию. Он утверждал, что сестра уехала не добровольно. В полиции ему объясняли, что взрослый человек вправе отключить телефон.

— Она исчезла в феврале прошлого года.

— Он и тогда писал. Мой редактор предложил подождать.

Лив постучала ногтем по крышке блокнота.

— Я тоже предложила.

Пока она искала старое письмо, Селин переобулась под столом. Носки оказались детскими, с маленькими лимонами; у Лив племянница жила через двор. Этот нелепый узор удерживал её от нового приступа дрожи.

Телефон показал сообщение Рут: «Ты дома? Жюль сказал, что вы не спали. Я заберу папки, чтобы у вас было меньше людей».

Селин ответила, что папки пока нельзя перемещать. Рут немедленно прислала большой палец и обещание принести обед.

У брата Беаты было всего одно вложение: домашнее фото серой юбки с зашитым подолом. Он написал, что она терпеть не могла менять привычные вещи и всё чинила. В день исчезновения юбка была на ней. Полиция описание получила.

— Я свяжусь с ним, — сказала Лив. — От своего имени.

— Не упоминай текущую операцию. Я пока даже не знаю, кто и что разрешил.

— Ты не просишь меня молчать о пропавших?

— Нет. Я прошу не дать неизвестному человеку понять, что нашли связь.

Лив убрала телефон.

— Давай договоримся, что будем различать эти просьбы. Ты защищаешь клиента. Я не твоя сотрудница.

Селин кивнула. Раньше такие разговоры казались им признаком хороших профессиональных отношений. Сегодня пришлось почувствовать, как неприятно бывает соблюдать их на практике.

У офиса их встретил Жюль. Он приехал с матерью: та держала руль так, будто собиралась забрать сына при первом движении незнакомого автомобиля.

— Я не останусь у неё ночевать, — шёпотом сказал он.

— Останешься там, где тебе безопасно.

Селин попросила его составить список фондовых материалов. Сама набрала службу адаптации. Роу получил одежду, комнату и консультацию. На ближайшие дни у него был назначен медосмотр. Дальше сотрудница перестала отвечать: сведения клиента она не могла предоставлять без основания.

Селин уважала это правило. Раньше оно не вызывало у неё желания швырнуть телефон в стену.

Роу позвонил сам за десять минут до одиннадцати.

— Вы просили пользоваться телефоном, — сказал он. — Вот я и учусь.

Она включила заметки.

— С какой целью вы звоните?

— Хочу получить свои письма. Те, что остались у фонда. Их довольно много, госпожа Бергер сказала, нужно согласовать с вами.

— Я уточню статус документов.

— До двух часов. У меня назначена встреча.

— С кем?

— С человеком, который согласился меня выслушать.

Сообщение Вальду она отправила немедленно. Получила: «Принято. Объект под наблюдением».

В половине второго патрульный, оставленный у офиса после её обращения, отошёл поговорить по рации. Селин увидела из окна, как внизу припарковался Роу. Он приехал на такси. Вместо того чтобы подниматься, пересёк улицу к автобусной остановке.

Рядом с ним стояла девушка в медицинской форме, надетой под куртку. Роу что-то спросил, девушка показала направление. Он рассмеялся и провёл пальцем по её рукаву, будто указывая на пятно.

Селин набрала Вальда. Звонок не проходил.

Она сбежала по лестнице, не взяв пальто. Патрульный окликнул её. На остановке Роу говорил, а девушка уже не улыбалась.

— Эмма? — громко произнесла Селин первое пришедшее в голову имя. — Тебя внизу ищут.

Девушка обернулась.

— Меня зовут Эмма, — удивлённо сказала она. — Кто ищет?

Роу посмотрел на Селин. Его улыбка стала шире.

Селин почувствовала, как пот стекает вдоль позвоночника.

— Я ошиблась, — сказала она. — Простите. Но пройдёмте, пожалуйста, со мной. Мне нужно вам кое-что объяснить.

Подождал патрульный. Роу отступил, показывая, что не удерживает девушку.

— Я спросил, как добраться до амбулатории. Могу показать направление.

Он достал бумагу. Патрульный взглянул на неё и растерянно посмотрел на Селин.

Эмма уже поняла, кто стоит перед ней. Она прижала сумку к груди.

— В новостях сказали, что вы невиновны.

— В новостях многое сокращают, — ответил Роу.

Через десять минут приехал Вальд. Эмма сидела в кабинете Селин и пила сладкий чай. Она согласилась дать объяснение. Роу уехал на другом такси, не нарушив запрета, которого ему никто не предъявлял.

— Вы сорвали наблюдение, — сказал Вальд.

— Девушка сейчас сидит наверху. Начните разговор с неё.

Он всё-таки поднялся. Когда они вернулись к остановке, Селин спросила:

— Откуда он знал её имя?

— На форме бейдж. Вы тоже его увидели.

Она попыталась вспомнить. Белый прямоугольник под расстёгнутой курткой действительно был.

Вальд не стал говорить, что это доказывает её панику. Наклонился и поднял с мокрой земли маленький пластиковый колпачок.

— Это ваше?

— Нет.

Он осмотрел колпачок и убрал в пакет. Позже оказалось, что он от ручки. Пока в пакете лежала просто вещь, которую предстояло проверить.

Селин вернулась к Эмме. Девушка попросила позвонить начальнице и объяснить опоздание.

— Только не говорите, с кем я разговаривала. Пожалуйста.

Селин пообещала объяснить лишь то, на что та согласится. И впервые за день сделала что-то, последствия чего могла понять до конца.

Глава 6

Четвёртая чашка

Брат Беаты жил над мастерской по ремонту велосипедов. Внизу пахло смазкой, наверху — жареным луком. Пока Лив поднималась, кто-то позвал его по имени, попросил проверить тормоза. Он ответил: «Завтра», и закрыл дверь на лестницу.

На холодильнике висел лист с телефонами больниц. Напротив некоторых стояли даты и фамилии сотрудников. Лив поняла, что он всё ещё звонит.

— Вы не первая журналистка, — сказал он.

— Знаю.

— Нет. Первые обещали помочь. Вы вообще не ответили.

Она села на предложенный стул.

— Это было моё решение. Мне жаль.

Он не принял извинение и не отверг его. Достал из шкафа коробку. Края были оклеены прозрачной лентой, крышка не держалась.

Беата меняла место работы, потому что прежняя лаборатория сокращала людей. В день исчезновения она собиралась на собеседование. Название нового работодателя брат не знал. Она стеснялась обсуждать поиски: ей казалось, что после тридцати неприятно снова начинать с испытательного срока.

— Почему у вас столько её документов?

— Я забрал, когда перестали оплачивать комнату. Хозяйка дала неделю.

Он поставил коробку на стол.

— Там нет загадочного дневника. Квитанции, дурацкие открытки, гарантии на чайник. Если вам нужно что-нибудь страшное, придётся придумать.

Лив включила запись только после его согласия. Час они говорили о Беате. Она плохо переносила сырой лук, покупала подержанные словари и однажды после работы месяцами ремонтировала кухню брата. Лив записывала всё.

Под конец он показал номер телефона, с которого Беате звонили перед исчезновением. Номер давно не обслуживался, полиция его проверила. Однако голосовое сообщение осталось на старом домашнем автоответчике. Сестра продиктовала брату адрес встречи, попросив напомнить, если сама забудет записку.

— Почему вы раньше не говорили о сообщении?

— Говорил. Дважды. Аппарат даже забирали. Вернули.

Лив попросила разрешения сделать копию и дождалась, пока брат сам запустит запись.

«Не смейся, опять нет ручки. У них приём со двора, белая дверь. Бергштрассе, четырнадцать. Подъеду после смены».

В голосе не было предчувствия. Беата говорила быстро, посреди фразы отвлеклась на человека рядом. Живой человек не знал, что каждую паузу в его речи будут годами считать уликой.

В это время Селин и Жюль в офисе выложили на пол копии старой описи.

Чашек действительно было три. Обычных, белых, с синим ободком. На фотографиях кухни они стояли вверх дном на полотенце.

На другом снимке, сделанном в мастерской, виднелся край четвёртой. Она была без ручки и служила банкой для кистей. Жюль увеличил изображение.

— Может, он просто нас заставляет смотреть на мусор?

— Может.

— Мы уже потратили полдня.

— Поэтому запишем, что установили, и закончим.

Рут принесла еду в контейнерах. Увидев бумаги на полу, сняла обувь у порога, чтобы не наступить на фотографии.

— У вас опять кольцо?

— Опись посуды, — сказал Жюль.

— А. Четвёртая чашка. Она всегда меня смущала.

Селин подняла голову.

Рут поставила пакеты на стол.

— Что?

— В описи три.

— В мастерской есть ещё одна. Мы же вместе сортировали снимки.

Это было правдой. Рут работала с фондовым архивом раньше Селин. Она могла помнить снимок лучше, чем участники первоначального осмотра.

— Ты её где-нибудь упоминала Роу?

— Чашку? Не помню. Возможно. Он отвечал на вопросы фонда несколько лет.

Жюль отвлёкся на запах еды. Рут разложила салфетки, убрала со стола пустые кружки. Селин продолжала смотреть на фотографию. Чашка была непропорционально большой рядом с отверткой. Под ручкой, которой не существовало, на стенке виднелся выступ.

— Это не чашка, — сказала она.

Рут остановилась у раковины.

Жюль придвинул ноутбук.

— Что тогда?

— Мерная ёмкость. Посмотрите на риски.

В опись она попала как «пластиковый стакан с остатками краски». Селин нашла строчку. Изъято, упаковано, передано. Ни состава, ни номера отдельного исследования.

Роу назвал это чашкой, чтобы заставить её сравнить документы. Или потому, что сам так называл. Рут могла повторить привычное слово из переписки. Одного наблюдения было недостаточно даже для предположения.

Селин сфотографировала нужный фрагмент и включила его в перечень вопросов по старым материалам.

За обедом Рут спросила, есть ли новости от полиции. Селин сказала только, что обратилась официально и ждёт решения. Рут не настаивала.

— Ты должна поспать. Я посижу с Жюлем.

— Нет. Сегодня закрываемся раньше.

Рут аккуратно защёлкнула пустой контейнер. На левой руке её большой палец плохо отводился в сторону; Селин знала, что это последствия старой травмы. Иногда Рут открывала банки предплечьем, прижимая их к животу.

— Письма пока не отдавайте, — попросила Селин. — Мы составим перечень и уточним, что принадлежит ему, что фонду, а что приобщено к делу.

— Конечно.

На лестнице Рут встретила с Лив. Они обменялись приветствиями. Лив поднялась с маленьким диктофоном в руке и попросила Селин выслушать сообщение Беаты.

— Бергштрассе, четырнадцать, — повторил Жюль. — Там раньше был фондовый склад. Его освободили до нашего переезда.

— Когда?

Он достал телефон, нашёл старую переписку о перевозке коробок.

— В марте прошлого года.

Беата исчезла в феврале.

Лив перестала качать ногой.

— Сохраняем всё, — сказала Селин. — И сначала звоним Вальду. Никуда сами не едем.

Глава 7

Белая дверь

Беата считала щелчки.

Вентиляция включалась семь раз до подачи еды, потом ещё пять или шесть. Зимой промежутки стали длиннее. Сейчас воздух был суше, пах железом и мокрым картоном. Значит, либо снова менялась погода, либо за стеной работали.

Она не пыталась вести календарь после первого месяца. Когда поняла, что ошиблась на три дня, стёрла насечки. Ошибка казалась доказательством, что она теряет рассудок. Гораздо позже Беата разрешила себе не знать даты.

За стеной кашлянула Софи.

— Не лежи на спине, — сказала Беата.

Ответа не было. Она прислонилась щекой к вентиляционной решётке.

— Ты слышишь? Сядь. Подложи свёрток.

— Слышу.

Софи дышала с хрипом. Она пыталась скрыть его, когда приходили, потому что здесь болезнь считали непослушанием. Беата не знала, слышат ли они разговоры через решётку. Делала вид, что слышат всегда. Этому было трудно научиться: сначала хотелось шептать правду хотя бы тогда, когда замок закрыт.

Полоса света под дверью исчезла.

Беата отступила к столу. На нём лежала юбка. Она вновь распарывала подол. Работу разрешили после того, как она целую неделю не просила иголку, а объясняла, что в комнате невозможно постоянно сидеть без занятия. Ей выдали тупую иглу и короткую нить. Каждый вечер нить измеряли, иглу забирали.

Поэтому Беата вытягивала из внутреннего шва по одной собственной нитке. Отрезки прятала между слоями ткани. Узелки означали включения вентиляции. Длинный стежок — звук тележки. Два — грохот состава за стеной. Она не знала, пригодится ли это кому-нибудь. Пока шила, день оставался чем-то большим, чем ожидание двери.

Замок открылся.

Женщина принесла тарелку. Лицо закрывала обычная медицинская маска. Беата давно научилась узнавать её по походке, а не по одежде.

— Что ты делаешь?

— Подшиваю.

— Ты вчера подшивала.

Беата показала неровный шов.

— Плохо вижу.

Женщина забрала юбку. Развернула, потянула подол. Беата заставила себя смотреть ей в глаза. Если бы она посмотрела на ткань, проверять начали бы именно ткань.

— Ты могла попросить лампу.

— Я просила.

Небольшая пауза. За слишком точные ответы здесь тоже наказывали.

— Значит, попросишь ещё раз.

Женщина бросила юбку на стол и поставила тарелку. Ложки не было. Беата подождала, пока она заметит сама.

— Сегодня придётся есть так. У нас перемены.

Беата не задала вопроса. Подумала о том, что перемены могут означать перевозку, пожар, новую пленницу или открытый замок. Всё имело одинаковое название.

Женщина присела на край стола.

— Ты ведь понимаешь, что я стараюсь?

— Понимаю.

— Он бы не стал с тобой разговаривать.

Беата смотрела на складку ткани возле её локтя. Никогда прежде женщина не говорила о нём как о человеке, который может прийти.

— Кто?

Вопрос вырвался сам. Женщина встала.

— Ешь, пока тёплое.

Когда дверь закрылась, Беата почувствовала, что мочевой пузырь свело от напряжения. Она досчитала до шестидесяти, потом до ста двадцати. Только тогда подошла к решётке.

— Софи.

— Что?

— Будет переезд. Возможно. Нам нужно договориться.

— Я не смогу бежать.

— Я не говорю о беге. Если нас разделят, запоминай звуки. Не лица. Звуки и повороты. Лицо можно закрыть.

Софи долго молчала.

— А если меня не повезут?

Беата не могла пообещать, что повезут. Не могла даже сказать, что это лучше.

— Тогда расскажешь, что было здесь.

На Бергштрассе Селин стояла за полицейским ограждением. Вальд разрешил ей присутствовать снаружи: она могла опознать вывески и расположение прежнего фондового помещения. Лив находилась на другой стороне улицы, рядом с оператором своей редакции. Они договорились не изображать, будто приехали вместе по служебному поручению.

Вход со двора действительно был белым. Краска слезла возле нижнего крепления. Над дверью висела новая камера, однако провод от неё заканчивался под пустой коробкой.

Хозяин здания приехал в спортивных брюках. Он возмущался, пока Вальд не показал ему основание осмотра. После этого возмущение исчезло, уступив место тревоге за имущество.

— Там все по договору. Я не сдаю кому попало.

В помещениях находились старые стулья, упакованные матрасы, две пустые морозильные витрины. Когда-то здесь действительно хранились вещи для подопечных фонда. Потом склад передали организации, собиравшей оборудование для ремонта социальных учреждений.

— Кто принимал? — спросил Вальд.

Хозяин показал переписку с хозяйственником. Фамилия — Шталь.

Селин её не знала.

Полицейский фотограф присел возле стены. Раньше там стоял шкаф, и пыль сохранила прямоугольный след. У плинтуса виднелось коричневое пятнышко.

— Это не обязательно кровь, — сказал Вальд прежде, чем Селин успела спросить.

Она кивнула. Потом заметила вещь, которую никакая экспертиза не требовалась опознавать: в трещину между стеной и полом была втиснута маленькая бумажная полоска с номером телефона. Последние четыре цифры Селин видела утром на холодильнике брата Беаты. Не саму записку — на фотографии, которую прислала Лив.

Она показала экран Вальду. Он подозревал фотографа, велел снять предмет до извлечения.

Селин стояла у стены и смотрела на сухую пыль. Беата была здесь. Тянулась вниз, прятала номер, надеялась, что кто-нибудь когда-нибудь заглянет в эту щель.

— Когда первоначально проверяли адрес? — спросила Селин.

Вальд смотрел на белую дверь.

— Мы установим по журналу.

Он не сказал, что всё необходимое уже было сделано.

Глава 8

Ремонт

Вальд позвонил вечером. Адрес проверяли дважды: через три дня после исчезновения Беаты и через месяц, когда родственники настояли на повторном осмотре. Первый раз дверь открыл человек, предъявивший договор субаренды. Второй раз внутри уже были матрасы. В обоих случаях сотрудники ограничились доступными помещениями.

— Подсобку не открывали?

— В первом рапорте указано, что ключа не было.

Селин стояла у окна кухни. В соседнем доме мужчина мыл аквариум, прислонив стеклянную крышку к батарее. Всё время, пока Вальд говорил, она смотрела, как он ловит сачком маленькую рыбу.

— И этого хватило?

— Тогда не было оснований для принудительного вскрытия. Это не оправдывает отсутствие повторной проверки арендатора.

— Чья записка?

— Предварительно почерк согласуется с образцами. Ещё работаем.

Он не сообщал ей результатов экспертиз как союзнице. Передавал то, что имел право подтвердить заявителю. Селин слышала, как тщательно он выбирает формулировки.

— Что с Шталем?

— Его ищут.

— Он опасен?

— Пока неизвестно. При появлении человека с такой фамилией в вашем офисе не вступайте в разговор.

После звонка она проверила замок. Потом вернулась и проверила снова. На третий раз сфотографировала задвижку, чтобы перестать вставать.

Дома у неё не было ни кошки, ни растений. Мать считала это признаком того, что дочь слишком много работает. Селин называла причиной частые поездки. Последний раз она уезжала из Брайдена на четыре дня полтора года назад.

Лив предложила переночевать у неё. Селин сначала отказалась, затем собрала сумку. Подруга не прокомментировала перемену решения. На диване уже лежала чистая простыня.

— Я поговорила с редактором, — сказала Лив. — Мы делаем материал о том, как расследовали исчезновение Беаты. Без фамилии Роу, пока связь официально не подтвердят.

— Хорошо.

— Не говори так, будто разрешаешь.

Селин сняла куртку.

— Я рада, что вы делаете материал.

Это оказалось точнее.

Они заказали суп. Курьер перепутал подъезд, и Лив десять минут объясняла по телефону, где сломанный фонарь. Когда наконец принесли пакет, суп был едва тёплым. Они всё равно съели его на полу перед диваном, потому что стол занимали выписки и карта.

— Скажи мне одну вещь, — попросила Лив. — Ты хочешь, чтобы отмену отменили?

Селин долго смотрела в пустую миску.

— Я хочу, чтобы он находился в камере.

— Это другое.

— Да.

— Ты можешь ответить на первое?

— Нет. Приговор был незаконным. Кольцо действительно подбросили. Если сделать вид, что этого не было, завтра можно будет подбросить другое кому угодно.

Лив кивнула, но ничего утешительного не сказала. Селин была ей за это благодарна.

Утром позвонила Рут. Она рассказала, что Роу забрал документы службы адаптации и спросил, может ли помочь с восстановлением мебели для фонда. Предложение выглядело разумно: бывшему заключённому требовалась работа. Рут сказала, что пока отказала, и спросила, правильно ли поступила.

— Не оставляй его наедине с сотрудниками, — ответила Селин. — Встречи только по записи. О каждом визите сообщай полиции.

— Ты пугаешь меня.

— Я хочу, чтобы ты была осторожна.

Рут выдохнула.

— Хорошо. Но, Селин, это же мы все его поддерживали. Нельзя за одну ночь просто перестать быть людьми.

Селин договорилась о получении копий переписки и закончила разговор. Через несколько минут пришла фотография стопки коробок. «Всё подготовила. Ничего не выбросила».

В фонде пахло свежей краской. На первом этаже меняли дверь в туалет для посетителей; старую сняли и поставили у лестницы. Роу появился раньше назначенного времени и теперь стоял возле неё.

Он провёл ладонью по накладке у пола.

— Слишком высоко поставили. Колесо будет цеплять край.

Рабочий пожал плечами.

— По заявке.

Роу отступил. Селин увидела, что на снятой двери четыре крепления образуют прямоугольник. На старом снимке мастерской отверстия располагались иначе: нижняя пара была сдвинута к центру.

— Госпожа Вей, — сказал Роу. — Вы всё-таки нашли четвёртую?

— Документы вам передадут после сверки.

— Я никуда не тороплюсь.

Он смотрел на накладку. Селин вдруг поняла, что её кабинет вчера был только первой проверкой. Сейчас он выяснял, до какого места она дошла.

Вместо ответа она попросила рабочего показать заявку. Тот отправил её к администратору. Рут вышла из соседнего помещения с коробкой писем.

— Опять бумаги? — улыбнулась она. — Вы скоро будете знать наши расходы лучше бухгалтера.

— Это полезно, — сказал Роу. — Иногда вещь попадает совсем не туда, куда её отправили.

Рут поставила коробку слишком резко. Несколько конвертов соскользнули на пол. Она наклонилась прежде, чем Селин успела помочь.

Роу не двинулся. Следил, как она поднимает письма. Потом впервые за всё время Селин увидела на его лице выражение, которое не предназначалось собеседнику. Не злость и не удовольствие. Узнавание, сразу сменившееся сомнением.

Он поднял глаза на Рут.

— Мы раньше встречались?

— Разумеется. Я приезжала в тюрьму.

— До этого.

Она выпрямилась, прижимая коробку к груди.

— Нет. Вряд ли вы меня запомнили бы.

— Лица я помню плохо, — ответил Роу. — Руки лучше.

Глава 9

Граница

В приёмной Даниэля Восса было слишком жарко. Селин когда-то работала здесь младшим юристом и знала, что термостат за шкафом заклинило ещё в прошлом десятилетии. Восс отвечал, что пожилым клиентам холодно, и оставлял всё как есть.

Сейчас он надел очки на цепочке и молча прочитал её хронологию.

— Запись признания есть?

— Нет.

— Свидетель?

— Жюль слышал только конец. Я велела ему уйти.

— Почему?

— Роу явно переходил к защищённому сообщению. Я ещё не знала, что он собирается сказать.

Восс кивнул. Ничего не похвалил. Ничего не исправил задним числом.

— Самое важное: старое признание и непосредственная угроза — разные основания. Не позволяй полиции складывать их в одну удобную фразу.

— Они считают, что он выведет на сообщника.

— Возможно, выведет. Это не даёт им права превращать твой кабинет в пост наблюдения.

— Мне кажется, он именно этого и хотел.

— Чтобы ты пошла в полицию?

— Чтобы они знали, что я знаю. И не могли использовать это так, как хотят.

Восс снял очки.

— Тогда не помогай ему путаницей. Отдельно фиксируй полученное от клиента, отдельно — открытые сведения, отдельно — то, чему сама стала свидетелем. Если возникнет конкретная угроза, действуй для защиты жизни и объясняй основания сразу, а не после.

— Ты говоришь так, будто всё можно заранее разложить.

— Нельзя. Поэтому нужны записи.

Она спросила, может ли прекратить представительство. Восс объяснил порядок, необходимость уведомления и то, что выход из дела не стирает обязанности хранить ранее доверенное. Он не стал изображать адвокатскую тайну бездонной ямой, в которую можно без последствий бросить любой замысел. Но и обещать лёгкое освобождение от неё не собирался.

— Ты можешь отказаться от новых поручений. Не можешь сделать вид, что никогда не была его защитником.

За дверью кашлянул клиент. Восс посмотрел на часы, затем закрыл ежедневник.

— Ещё десять минут у нас есть.

Селин вдруг вспомнила, как после первого проигранного дела он дал ей точно такие же десять минут. Тогда она считала, что хорошая подготовка способна предотвратить любое поражение.

— Если бы ты заранее знал, что он виновен, взялся бы?

Восс помолчал.

— Если бы я знал, что доказательство подброшено, да. Но я бы постарался не стать лицом его невиновности.

— Я не называла его невиновным.

Он повернул к ней экран. На сайте фонда стояла её фотография и заголовок: «Восемнадцать украденных лет».

Под фотографией находилась цитата, которую она действительно произнесла: «Человек не должен оставаться в тюрьме на основании лжи».

Она закрыла глаза.

— У тебя точная цитата, — сказал Восс. — И неточная роль. С этим придётся что-то делать.

Из офиса она позвонила Рут и попросила убрать с главной страницы историю Роу до уточнения формулировок. Рут согласилась, хотя было слышно, как ей тяжело это даётся: фонд собирал деньги на подобных историях. Они договорились оставить сообщение об отмене приговора и ссылку на решение суда.

Потом Селин отправила Роу уведомление: после завершения передачи документов новых поручений не принимает, дальнейшие контакты — письменно или через назначенного представителя. Он ответил почти сразу.

«Вы можете от меня отказаться. Но от того, что знаете, отказаться труднее».

Селин сохранила сообщение.

Когда она вернулась, Жюль сидел на полу возле конвертов. Под каждым лежал номерной лист. На стене висел составленный им перечень: отправитель, дата, наличие подлинника, получатель, источник копии.

— Есть кое-что странное. Здесь ответы людям, которых нет среди отправителей. Может, фонд оставил только удобные письма.

— Не делай вывода до проверки.

— Поэтому я и говорю «может».

Он показал три конверта. Один был адресован женщине по имени Лиза. Фамилию на копии закрыли чёрным прямоугольником. Внизу рукой архивиста стояло: «Личные сведения третьего лица. К публикации не относится».

В письме Роу обсуждал ремонт старого шкафа. Просил не менять петли, пока не проверят коробку. Селин прочитала дважды. Никаких явных угроз. Никаких указаний на похищение. Станным было другое: дата относилась к периоду, когда фонд ещё не работал с его делом.

— Откуда это у них?

— Перенесли из прежнего архива. Я нашёл ссылку на акт приёма.

— А подлинник?

— Не указан.

Она попросила Жюля не звонить людям из писем. Самостоятельный опрос мог предупредить человека, которого ищут. Он кивнул, сохранил таблицу на двух носителях.

— Я не идиот, — сказал он.

Селин села рядом на пол.

— Я знаю. Прости. Я всё время говорю так, будто могу защитить вас инструкциями.

Жюль подвинул к ней маленькую подушку для стула.

— Инструкции иногда помогают. Просто сообщай, что уже опасно. Не только когда станет совсем плохо.

Они продолжили перечень. К ночи выяснили, что минимум девять ответов Роу не соответствовали ни одному сохранившемуся входящему письму. Это ещё ничего не доказывало. Но теперь у отсутствия появилась измеримая форма.

Внизу под фамилией Лизы архивист оставил две незакрытые буквы: «Бр».

Глава 10

Старый клиент

Леон Бек пришёл без записи. Жюль узнал его, предложил подождать. Селин освободилась через двадцать минут и увидела в приёмной мужчину с пакетом строительных перчаток.

— Это вам не подарок, — сразу сказал он. — Я по дороге забрал.

Она улыбнулась и пригласила его в кабинет.

Три года назад Леона обвиняли в разбое. Оpozнание провели с нарушениями, запись камеры потеряли, а признание другого участника исчезло из рабочего пересказа. Селин не добилась красивого мгновенного освобождения. Месяцы спорила о конкретных материалах. Когда обвинение прекратили, Леон вышел из изолятора и долго стоял у забора, не понимая, почему никто больше не указывает, куда идти.

Теперь он работал у монтажников. На щеке виднелся свежий порез после бритья. Раньше Селин никогда не видела его в чистой рабочей одежде: только в тюремной и той, которую принесла сестра.

— Проблемы? — спросила она.

— Нет. То есть есть, но не такие. Хотел узнать, не надо ли что-нибудь подтвердить. Что вы не специально.

Селин поняла не сразу.

— Я видел новости. Там говорят, вы выпускаете опасных людей. Я подумал, если расскажу, как было со мной...

Он достал телефон. На экране был набран длинный текст. Не отправлен. Много исправлений, в одном месте предложение оборвалось.

— Я не умею писать. Но можно записать видео.

Селин смотрела на его руки. На большом пальце был пластырь, под ногтями осталась белая пыль. Он пришёл после смены, собирался отдать ей свой вечер и ещё раз публично объяснить, почему не преступник.

— Ты не должен доказывать мою добросовестность своей историей.

— Я сам хочу.

— Тогда решение за тобой. Но сначала подумай о себе. У тебя есть работа. Люди опять начнут искать старые статьи, задавать вопросы. Я не стану просить тебя сделать это ради меня.

Леон убрал телефон.

— Там на работе всё равно знают. Один сказал: «Повезло с адвокатом». Я ответил: «Повезло бы, если б сразу проверили камеру».

Селин рассмеялась. Потом смех застрял в горле.

— Правильно ответил.

Он немного посидел, спросил, как Жюль. Рассказал о сестре, которая вышла замуж и теперь просит помочь переделать ванную. О том, что до сих пор не любит закрывать двери без щели. Сказал это между делом, не ожидая реакции.

Уходя, остановился возле таблички на двери.

— А вы тогда знали, что я не делал?

Селин ответила не сразу.

— Я знала, что доказательства не соответствуют тому, как их представляют. И что тебя нельзя осудить на таком основании. Потом появились другие сведения.

Леон кивнул.

— Я думал, вы сразу поверили.

— Я сразу решила проверить.

Он посмотрел на неё с некоторым разочарованием. Потом, видимо, что-то обдумал.

— Наверное, это лучше. Они тоже сразу поверили. Только не мне.

Когда дверь закрылась, Селин долго не возвращалась к папке Роу. На столе остался белый след от пакета с перчатками. Она не стала вытирать его сразу.

К тому времени она уже несколько раз ловила себя на желании больше не брать дел об отмене приговоров. Сделаться человеком, который оформляет наследства, спорит о крышах, читает договоры на поставку стульев. У каждого из этих занятий были собственные способы испортить жизнь, но хотя бы не такие очевидные.

Леон не доказал, что она безошибочно выбирает клиентов. Он напомнил, кому достанется её страх, если она превратит его в правило.

Селин вызвала Жюля, попросила проверить записи на следующую неделю. Два новых обращения по старым делам. Одно слабое, другое пока непонятное. Она назначила обычную проверку материалов, без обещаний результата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.